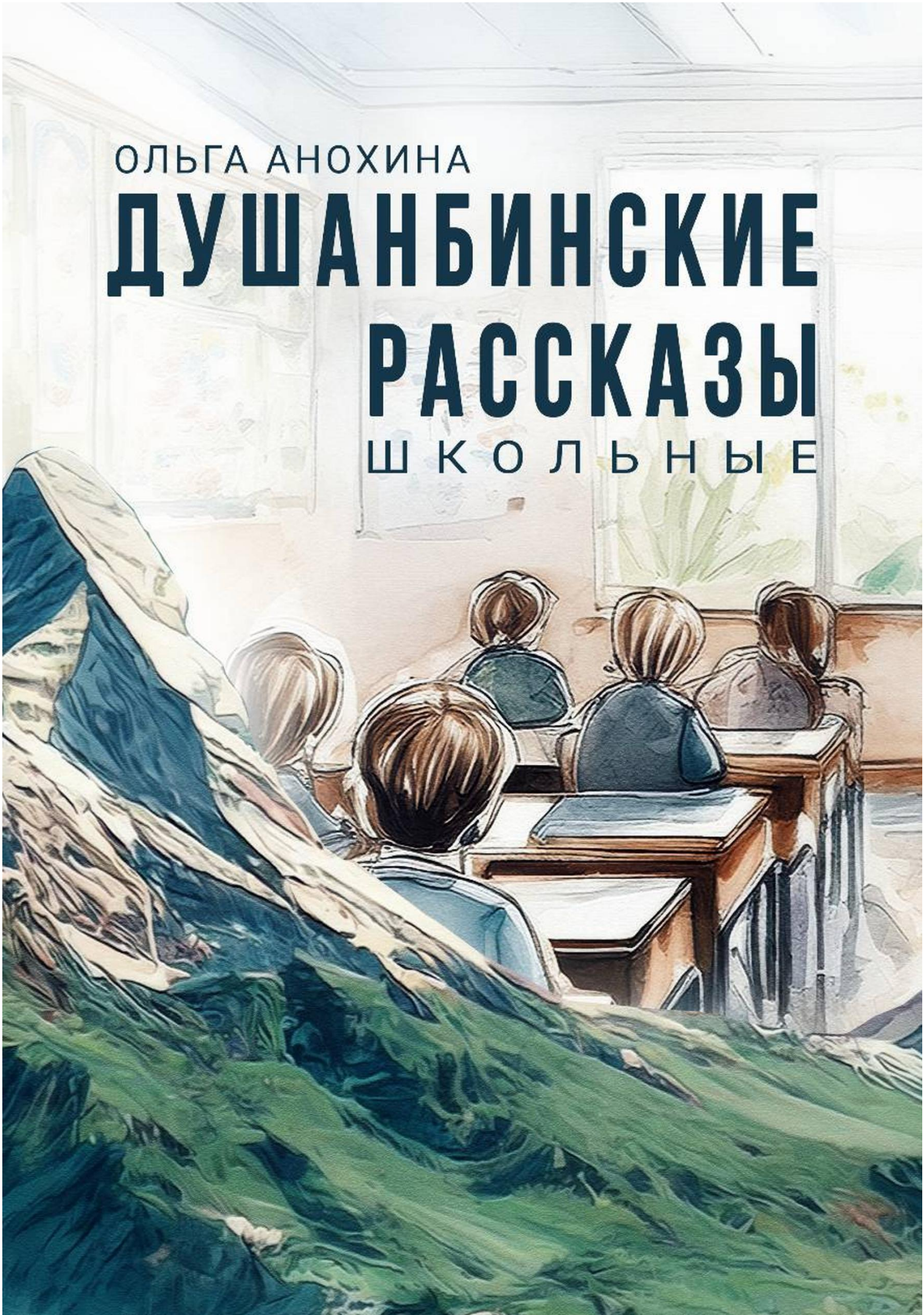
ОЛЬГА АНОХИНА

ДУШАНБИНСКИЕ РАССКАЗЫ

ШКОЛЬНЫЕ

Душанбинские рассказы

Ольга Анохина

Душанбинские рассказы. Школьные

«Автор»
2026

Анохина О.

Душанбинские рассказы. Школьные / О. Анохина — «Автор», 2026 — (Душанбинские рассказы)

«Душанбинские рассказы. Школьные» — книга о школьном детстве автора в Душанбе (Таджикистан) времён СССР, когда все республики были едины, а детство — удивительно похоже, где бы ты ни рос: в России, Узбекистане, Грузии или Таджикистане.Вас ждут знакомые до мурашек детали эпохи: молочные коржики в столовой, ключ на шее, летние пионерские лагеря, походы и костры. Вспоминаются и яркие школьные традиции: работа в редколлегии, репетиции в драмкружке, добрые дела тимуровцев. Каждый рассказ — словно открытка из прошлого: с запахом спелых фруктов, смехом на переменах и волнением перед контрольной.Книга пробуждает ностальгию у тех, кто родом из СССР, и открывает окно в прошлое для современных подростков. Это искренний разговор о дружбе, первых открытиях и взрослении — о том, что остаётся важным в любую эпоху.Возрастное ограничение: 12+.

© Анохина О., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Введение 5
Собеседование 6
Гузелька 8
Раношка, или тазик с фисташками 10
Вшивый отряд 12
Шрам под коленкой 13
Галинушка 15
Колобок 17
Моя собака Орта 19
Конец ознакомительного фрагмента. 21

Ольга Анохина
Душанбинские рассказы. Школьные

Введение

Эта книга посвящается сегодняшним подросткам 12+, она представляет собой сборник из двух предыдущих книг «Душанбинских рассказов». С тех пор как они опубликованы, прошло много месяцев, двенадцать из которых я провела в самой обычной общеобразовательной школе. Писать новые рассказы стало совсем некогда, ибо школа поглощает без остатка всех, кто выберет этот путь. Я выбрала, как мне казалось, случайно, каждый раз возвращаясь к мысли «Почему я здесь?». И не потому что плохо, а потому что в школе я чувствую себя, как дома. Несмотря на шум и суматоху, есть ощущение спокойствия и чего-то родного.

Так я чувствовала себя в своей родной таджикской школе номер двадцать восемь. Во многом благодаря своему классному руководителю Шелковой Галине Ивановне и многим учителям. Математика – Лариса Николаевна и Тамара Степановна, химия – Неля Искандеровна, география – Оскар Васильевич. Они действительно учили, вкладывая всю душу, но это я поняла гораздо позже. Сейчас многих из них уже нет в живых, а кто-то до сих пор работает с детьми. Этот сборник – возможность сохранить память о них и познакомить моих шестиклашек со школьным детством родом из СССР.

Собеседование

Высокие тополя стояли плотной зелёной стеной, почти касаясь крыши дома напротив. Я сидела на большом двухтумбовом дубовом письменном столе, который плотно примыкал к подоконнику и смотрела в окно.

Дома никого не было. В такие моменты я позволяла себе «поголосить». Это было не про плач или слёзы. Какой-то странный и непонятный мне звук поднимался из самой глубины и гортанно вырывался монотонным трансовым, горловым пением. Это меня успокаивало. Сегодня был повод понервничать. Мамы все ещё не было, папа допоздна на работе, брат у своих друзей-соседей, братьев-погодок.

Сашка и Аркашка – славные ребята еврейской наружности. Сашка почти рыжий, весь в крапинку с сильно оттопыренными ушами, Аркашка – шахматный гений с аккуратными, как у греческих богов, кудрями в тёмно-каштановых волосах.

У них сегодня мальчишеские игры – эрудит и шахматы, – девчонок не берут.

– Ну и ладно, – подумала я. – Мне и одной хорошо.

Стрелка на часах двигалась, как черепаха, вернее, совсем не двигалась. Время застыло. Тополя слегка покачивали зелёными шапками, листья выворачивались наизнанку серебряной стороной.

«Дождь пошел, интересно, к чему бы это?»

Я очень любила слушать дождь, особенно, как стучат капли по крыше и подоконнику нашей шестиэтажки. Дождь в Душанбе – это редкость, за всю весну это второй раз. «Значит, что-то произойдет», – у меня на всё были свои приметы.

Дверь слегка заскрипела, шуршание полиэтиленового пакета и хлопок складывающегося зонта вернули меня в реальность.

– Оля, ты дома?! – запыхавшись, спросила мама. – Давай, собирайся быстрей, нам бежать пора, в школу на собеседование опаздываем.

«Собеседование? Что, просто так нельзя взять человека в школу?» – мои мысли плелись затейливо, примерно так же, как заплетались мои тонкие ноги-веревочки, как у нитяной куклы.

Мама неслась во весь опор, уже 17.45, к шести нужно обязательно быть в школе.

Школа номер 28 была лучшей в районе и единственной рядом с домом. Два больших трёхэтажных здания, одно – жёлтое, для старшеклассников, другое – розовое, для начальной школы. Такая школа для Душанбе редкость, да ещё и с немецким уклоном. В архитектуре нежно-розового здания тоже было что-то немецкое. Большой зелёный двор с затейливым кованым забором, ровные ступени, широкие гостеприимные двери были открыты настежь.

– Неплохо тут, – мимолетом на ходу отметила я.

Мама бодро взбежала по ступенькам, держа меня за тонкую руку.

– Добрый день, присаживайтесь, – сказала бледная блондинка в очках металлическим голосом. – Сейчас вашему ребенку требуется пройти входящее тестирование для определения уровня и профиля будущего класса.

– Как зовут тебя, девочка? – спросила блондинка достаточно официально. Я вжалась в стул. Разговаривать с женщиной-рыбой с прозрачными глазами не хотелось, на какое-то время слух выключился, и я видела, как смыкаются и размыкаются рыбьи губы.

– Всё понятно, случай, конечно, непростой, – подала голос рыба. – Руфина Васильевна, вы вообще с девочкой занимались? Она у Вас ни писать, ни читать не умеет. Она хотя бы разговаривает? Может, ей место в классе коррекции? – медленно произнесла рыба-блондинка.

– Вы понимаете, некогда заниматься, я думала, в садике её подготовят, но она много болеет, редко ходит. Но у нас хорошая наследственность, её брат первый класс заканчивает, у него все пятёрки. Может, и ей что-то перепало, – отбивалась мама.

– Пока определим её в класс «Г», там у нас самые слабые дети. А у вас ещё всё лето впереди, так что занимайтесь, школа это серьёзно.

Меня взяли в первый "Г", больше в этот день ничего не случилось, несмотря на дождь.

P.S. Женщина-рыба как в воду смотрела. Летом мы не занимались, а в началке мне было и правда очень тяжело и читать, и писать. Но к пятому классу я потихоньку выплыла из рядов двоечников и укрепилась между тройкой и четвёркой, можно было потихоньку с надеждой смотреть в будущее.

Гузелька

Гузелька – это тоже моя подруга, мы с ней вместе на гимнастику ходили, художественную. Как сейчас помню: дело было в обычной школе, в большом спортивном зале. Нас отбирали. Мы дружно сидели на низенькой скамеечке в белых трикотажных купальниках. Родители толпились у дверей. Вызывали нас по очереди, по фамилии.

У Гузельки была татарская фамилия, нос уточкой и лёгкие кудри из тонких, тёмных волос. У меня были светлые, непослушные, как солома, волосы, которые постоянно норовили выскочить из «кички» (обязательной причёски для всех гимнасток).

Тренер Алина Сергеевна была очень строгой, чем-то похожей на Аллу Пугачёву, только блондинка и немного полнее. От её голоса начинала кружиться голова, и в животе делалось нехорошо. Девочек тянули и гнули в разные стороны, изгибали в мостик и растягивали на шпагат. Мне тогда было лет шесть или семь.

Я пришла поздно, таких «старых» обычно уже не брали.

Гузелька же пришла после спортивной гимнастики и была хорошо подготовлена. Когда её вызвали, она пронеслась колесом через весь зал, перевернувшись в воздухе несколько раз. Её, конечно, взяли. Мама тогда очень впечатлилась Гузелькой:

– Надо же, такая маленькая и такая ловкая!

Мама потом частенько эту историю с колесом вспоминала и всё удивлялась, какая Гузеля талантливая.

Меня тоже взяли – я была гиперпластичная.

Когда всех девочек тянули на шпагаты, я лежала и улыбалась, мне было не больно. Алина Сергеевна всегда ставила меня в пример и хвалила за то, что я дома занимаюсь и поэтому у меня такая хорошая растяжка. Я дома не занималась, но Алине Сергеевне ничего не говорила, чтобы её не расстраивать. Мне было приятно, что она меня хвалит.

Гимнастику я не очень любила, особенно, когда начались занятия с предметами. Предметы – это мячик, обруч, скакалка и булавы. Самый сложный предмет – булавы. Я всё время боялась, что они упадут мне на голову. В скакалке я тоже постоянно путалась. Обруч и мяч были попроще. А самый красивый предмет – это лента. Розовая, атласная лента на бамбуковой палочке, соединённая с ней ниточкой и маленьким подвижным карабинчиком, похожим на муравья.

Выступать с лентой было легче всего. Я закручивала из неё розовые вихри и змейки, бросала вверх и почти всегда ловила, потому что лента летела медленнее, чем булавы.

У Гузельки всё получалось гораздо лучше. Очень скоро она получила второй разряд, потом первый и метила в КМС – кандидаты в мастера спорта. Меня на разряд натягивали, потому что в спортшколе заниматься без разряда было нельзя, все разряды должны быть по возрасту.

Алина Сергеевна в меня верила и очень ругалась, когда у меня не получалось. Ей нравилась моя гибкость, но не нравилось, что предметы выпадают у меня из рук. В музыку я тоже не попадала, видимо, у меня что-то с чувством ритма. Алина Сергеевна просила меня считать про себя, а я так сбивалась ещё больше.

Я очень просила маму, чтобы она разрешила мне бросить гимнастику. Но согласия от неё не получила. Мама верила в то, что гимнастика хорошо влияет на моё здоровье и поэтому я перестала сильно болеть.

Мне было почти двенадцать, когда я поехала с мамой в санаторий, в Анапу. Это было зимой, в феврале. Было тепло и дождливо. Я гуляла с подружками в резиновых сапогах по берегу моря и пила тёплое молоко на ночь. В санатории не было никакой гимнастики.

Пока мы отдыхали, я сильно отстала, и меня перевели в младшую группу. Это было последней каплей, такого позора я стерпеть не могла. На гимнастику ходить перестала совсем, и мамины уговоры больше не помогали.

Если я видела Алину Сергеевну на одной стороне улице, то старалась не попадаться ей на глаза и потихоньку переходила на другую сторону. К каждому празднику я получала открытку, в которой Алина Сергеевна просила меня вернуться. Последняя пришла на Новый год, когда мне было уже тринадцать.

У Гузельки всё складывалось хорошо, вскоре она получила КМС, а потом и мастера спорта. Мы иногда виделись в школе, так как она училась в параллельном классе. После школы Гузелька поступила в медицинский институт, а гимнастику бросила. От своей классной руководительницы я узнала, что у Гузели начались проблемы со здоровьем, потому что она резко бросила спорт. А так, оказывается, нельзя, спорт – это на всю жизнь.

Раношка, или тазик с фисташками

Рано(шка) – это моя подружка из параллельного класса. Она второгодница. Я не помню, как мы с ней познакомились, наверное, в школе. Она жила неподалёку от нас, в бараках. Так называли одноэтажные невзрачные дома, сбитые в кучу. Мы жили в новостройке, на шестом этаже.

Раношка была нормальная, добрая, весёлая. Даже не знаю, почему её на второй год оставили.

По утрам Раношка заходила за мной, чтобы вместе идти в школу. Мы учились во вторую смену, поэтому утро у нас начиналось поздно, часов в двенадцать. Мама вставала рано и в восемь утра уезжала на работу. Папа ещё раньше, он работал шофёром на маршрутке. В школу я собиралась сама. Это было несложно. Затянуть хвост на затылке и надеть выглаженную мамой форму. Она висела на алюминиевой дверной ручке, перепачканной белой краской, на вешалке-плечиках. Тёмно-синяя юбка в складку, белая блузка с коротким рукавом и без единой морщинки, выглаженный шелковый пионерский галстук.

Раношка приходила пораньше, чтобы было время поболтать перед школой.

– Привет, что делаешь? – спросила она, как обычно.

– Фисташки ем, – ответила я.

– Фи-и-исташки, откуда?

– Мама с работы принесла.

– А мне можно? – с горящими глазами спросила Раношка.

– Конечно, – буднично ответила.

– А где они?

– Да там, на веранде, в шкафу.

Фисташки хранились в огромном эмалированном голубом тазу, во встроенном шкафу.

– Целый таз фисташек! – с восторгом закричала моя подруга.

– Ну да.

Мы сели друг напротив друга прямо в шкаф. Между нами был таз. Мы болтали, перебирая его содержимое, выискивая самые крупные экземпляры с большой щелью. Попадались и пустышки с маленьким сухим зёрнышком внутри, и просто закрытые, без щели. Их нужно было колоть орехоколом.

Время летело незаметно.

– Оль, а давай не пойдём на первый урок, – предложила Раношка.

– В смысле, не пойдём? – переспросила я с недоумением.

– Придём ко второму, скажем, что к врачу ходили, – ответила авторитетно Рано.

Нам возле таза с фисташками было очень уютно и, правда, не хотелось ни в какую школу. Когда я спохватилась, второй урок прошёл наполовину.

– А давай совсем сегодня не пойдём в школу? Тогда и врать не придётся, – вбросила новое соблазнительное предложение Раношка.

– Врать не хотелось бы, особенно, классной руководительнице, – почти согласилась я.

Это был прекрасный день, наполненный свободой и ничего-не-деланием.

Вечером мама, как всегда, вернулась с работы поздно, тяжело опустив на пол сумки с продуктами. Она разделась и прошла на кухню. Брата не было, он ушёл на дополнительные занятия для поступления в художественную школу. Папа тоже ещё не вернулся.

– Оля, Оль, пойди-ка сюда, – позвала меня мама каким-то странным голосом. – Оль, а ты в школе была сегодня?

– Конечно, была, мамочка.

– Да, была, значит?

Она взяла меня за руку и повела к дверной ручке. Я смотрела на неё в упор. На двери висела идеально выглаженная школьная форма с красным галстуком на левом плече.

Я рванула в сторону лоджии и захлопнула за собой дверь, дальше – на кухню, в коридор, потом в зал (самая большая комната). Мать неслась за мной с ремнём, который периодически обжигал мне спину и резал по пяткам.

– Мамочка, мамочка, прости, пожалуйста, я больше не буду!

– Что не будешь? – громыхала мне вслед мать.

– Прогуливать не буду! – визжала я.

– А я тебя не за прогул наказываю! Я тебя за враньё наказываю, глупое ты создание!

После этого случая мы не перестали дружить с Раношкой, но в гости звать мне её запретили. По поводу вранья выводы я тоже сделала: если врёшь, то не оставляй следов. Больше мама меня на вранье не ловила.

Вшивый отряд

Это неприятная история. Как вспоминаю – начинаю чесаться. Дело было после окончания второго класса. Я была слишком мала, чтобы оставлять меня без присмотра на всё лето, и мама решила отправить меня в лагерь с оптимистичным названием «Юность». Всё шло по плану: мама накупила мне новых трусов и помогла собрать вещи, которых много и не требовалось. В Таджикистане летом жарко, в горах чуть прохладнее, но всё равно теплые вещи не нужны. Пара сарафанов, шорты, купальник – на всякий случай. Вместо шлёпанцев сгодились мои старые босоножки. Папа отрезал ремешки у пятки, и получились шлепки. Ещё, на случай торжественных мероприятий, нужно было взять школьную форму – серо-синяя юбка и белая блузка с коротким рукавом.

Собрались быстро. В лагерь нас вёз жёлтый ведомственный автобус с маминой работы. Погрузились, едем весело по горам и даже немного страшно на серпантине (это дорога такая, которая петляет между гор). Приехали в лагерь. Сначала медосмотр – порядок такой: все должны пройти, вдруг кто-то болен – заразит весь лагерь.

Ничего не предвещало плохого. Нас осмотрели и некоторых ребят, включая меня, распределили в один отряд, не по возрасту. Это было странно, в нашем отряде были и девочки, и мальчики – и все разных возрастов, человек пятнадцать. По лагерю поползли слухи, что якобы, это отряд непростой – вшивый. Всех, у кого обнаружили этих паразитов, записали в один отряд. Оказалось, правда.

После обеда нас всех намазали вонючей серой мазью и оставили сидеть в медицинском боксе примерно час. Потом отвели мыться и вычесываться. Отряд оказался на карантине, нас никуда не приглашали, на мероприятия вход запрещён. На вечернюю дискотеку тоже нельзя. Если бы не наша вожатая Гуля, было бы совсем грустно. Мы болтались по территории и в отряде, читали книжки, играли в карты, рисовали плакаты на конкурс. Через неделю нас ещё раз проверили и сняли карантин. Как раз должны были приехать родители, но мои почему-то не приехали, наверное, не смогли.

Наш отряд допустили к общественной жизни лагеря с понедельника, но ничего уже не радовало. Ребята из других отрядов нас сторонились, некоторые дразнили: «Смотрите, вон вшивый отряд идёт!» А мы были уже не вшивые, но это было уже неважно. К концу второй недели я больше не могла это выдерживать. В родительский день ко мне приехали все сразу: и мама, и папа, и брат Коля. Привезли клубнику, засыпанную сахаром, уже помытую и почищенную, очень вкусную. Мы сидели в беседке, я ела клубнику ложкой и не могла сдержать слезы, понимала, что маме с папой нужно работать, и боялась, что родители меня не заберут.

– Дочка, что случилось, почему ты плачешь? – с тревогой в голосе спросила мама.

Я кинулась к ней в ноги, обхватив её колени руками запричитала:

– Мамочка, мамочка, пожалуйста, забери меня отсюда, мне здесь плохо, очень плохо, я так больше не могу.

Родители переглянулись и всё поняли. Клубнику я доедала уже в машине, в нашем стареньком белом «Запорожце». С тех пор я очень боялась вшей и пионерских лагерей. И в следующий свой лагерь поехала много лет спустя со спортивной секцией лёгкой атлетики.

Шрам под коленкой

У меня есть шрам под коленкой, небольшой белый шрам. Странно, но я почему-то отчётливо помню, как его получила.

Мы с подружками болтались у исполкома. Это были те славные времена, когда мы ощущали себя достаточно большими, но парни нас ещё не волновали. Думаю, класс шестой-седьмой. Я тогда уже бросила гимнастику, а Гузелька, моя подружка по спорту, наоборот, делала большие успехи. Гуляла она редко, в основном, ходила на тренировки и делала уроки. Вся жизнь её была сосредоточена вокруг спорта. Когда я бросила гимнастику, мы стали потихоньку отдаляться друг от друга.

В тот день мы случайно встретились на улице и пошли гулять вместе, как это бывает у детей. Около здания исполкома была большая, искусственно созданная, прямоугольная канава – водоотвод. Она была настолько глубокая, что если спрыгнуть на дно, то края будут выше головы. На дне воды почти не было. Сияли на солнце мелкие камешки, росла трава, и бежал жиденький ручеёк. Мы сидели на краю канавы и болтали ногами. Вдруг Гузелька предложила:

– А давайте через неё прыгать?!

– Давайте! – весело поддержал кто-то из её новых подруг.

Мне стало страшно, так как канава казалась мне огромной, от края до края около двух метров или даже больше.

Гузелька разбежалась и лихо, в шпагате, перемахнула на другую сторону. Задорно улыбаясь, она призывала остальных:

– Ну что, давайте, кто следующий?!

Никто не хотел прыгать, мы все столпились на одном краю и изучали серые шершавые стены канавы.

– Ну, чего вы, боитесь, что ли? – крикнула Гузеля с того берега.

Она снова разбежалась и легко перемахнула на наш «трусливый» берег.

– Олька, ты же на гимнастику ходила, давай, у тебя получится! – подбодрила она меня.

Но мне всё равно было страшно и в то же время стыдно, что у меня не получится. Это было похоже на какое-то соревнование. Гузелька любила соревноваться и выигрывать, а я уже чувствовала себя проигравшей.

Попросив девчонок разойтись, я отошла далеко для внушительного разбега. Почему-то я не могла отказаться от этого состязания и где-то в глубине души понимала: всё закончится плохо.

Я отошла метров на десять и побежала по мягкой, ухоженной исполкомовской траве. Перед прыжком чуть замешкалась и представила, что моя левая нога уже там, на другой стороне. Правой оттолкнулась, но, видимо, недостаточно. Я, правда, перепрыгнула, но у меня не хватило сил подтянуть правую ногу, и она всей поверхностью ударилась о бетонную стену. Всё было бы ничего, и я бы отделалась небольшими царапинами, если бы не штырь арматуры, который торчал из бетонной стены.

Я почувствовала острую боль, быстро вытянула ногу из канавы и положила на траву. Как в замедленной съёмке, я увидела что-то ослепительно белое, что заливает вишнёвого цвета кровь. «Кость» – подумала я, и у меня началась истерика. Гузелька быстро перепорхнула ко мне, другие девочки побежали до меня вокруг, через мост. Я кричала дурным голосом и не узнавала сама себя.

– Несите меня домой! Несите, я не могу идти!

Девочки кое-как доволокли меня до дома. Слава богу, там была мама. Я продолжала орать, девочки быстро объяснили ситуацию и убежали. Со мной такое, правда, было впервые,

я наблюдала эту картину как будто со стороны. Сидит девочка на полу, кричит, ногу заливает кровью, рядом её мать в недоумении, что с этим делать.

– Прекрати орать!

Я немного сбавила обороты, но не прекращала. Мне было не столько больно, сколько страшно. Я никогда раньше не видела человеческих костей. Мама не жалела и не утешала меня, и это было обидно. Мне хотелось, чтобы меня обняли, позволили рассказать о своих страхах и дали повыть столько, сколько захочется.

Мама обработала рану и перебинтовала, врач не потребовался. Через какое-то время мне стало легче, боль стихла. Спустя несколько месяцев остался только небольшой белый шрам.

Галинушка

Галинушка – это наша классная, она действительно классная – Галина Ивановна.

Она, наверное, и не догадывается, как часто я её вспоминаю. Не зря мама ревновала меня к ней. Галина Ивановна – очень значимый человек, который сильно повлиял на мою жизнь.

Мне запомнился один наш разговор. Это было в пятом классе, мы уже познакомились на общем классном собрании, но наедине ещё не общались. По правилам советского времени все школьники должны были дежурить по классу, считалось, что труд облагораживает. Был специальный график. Наконец-то, подошла моя очередь. Я этого очень ждала и волновалась: мне предстояло убирать кабинет биологии, кабинет нашей Галинушки. Моя напарница куда-то испарилась, и я осталась дежурить одна. Галина Ивановна сидела за огромным белым столом, который располагался на небольшом подиуме. За её спиной во всю стену висела трёхстворчатая зелёная доска. Вдоль стен были развешены большие стеклянные боксы с чучелами птиц и животных, как в зоологическом музее.

Школа у нас была «богатая», не для всех. Как я туда попала, до сих пор не понимаю, наверное, по месту жительства. Городская школа №28 города Душанбе, с немецким уклоном.

Я по стеночке пробралась в конец кабинета и начала переворачивать стулья.

– Оля, скажи, а Коля из 6 «А» твой брат? – аккуратно спросила классная.

– Да, мой, – робко ответила я, больше ничего не добавляя.

Как я потом узнала, Колю она почему-то недолюбливала, у него была единственная четвёрка по биологии.

Стулья были подняты, и я принялась за полы. Сначала подмела большой и неудобной шваброй-щёткой, которая, казалось, была выше меня. Я старалась не пропустить ни соринки, чтобы Галина Ивановна ничего плохого про меня не подумала. Вообще-то, я не очень любила убираться, с братом мы всегда об этом спорили. Он называл меня «халтурщицей», говорил, что я плохо убираюсь.

Мы с Колей тоже дежурили по дому: по очереди мыли посуду и убирались в комнатах. Для него главной была чистота, для меня – порядок. Мне нравилось, когда всё было по местам, а лазить под кроватями и выгребать оттуда пыль не нравилось. Зная за собой такой грех, я очень старалась, чтобы не выдать свою «халтурщицу».

Следующий этап – мытьё полов. Я взяла ведро и серую тряпку из мешковины. Намотав её на деревянную швабру, начала потихоньку мыть полы, забираясь в каждый угол.

– Оля, тебе, наверное, не стоит быть уборщицей, – мягко сказала Галина Ивановна.

Я остолбенела и резко выпрямилась, слегка повернув голову в сторону классной.

– Почему? – спросила я, почувствовав, как пожар разгорается на моём лице.

– Да потому, что ты будешь очень хорошей уборщицей, а так нельзя, ты быстро выгоришь и не сможешь работать.

Я выдохнула, вроде меня хвалят, можно немного расслабиться.

Галина Ивановна в меня очень верила. Почему-то вместо законной четвёрки, на которую я стабильно отвечала по биологии, она ставила мне пятёрку. Мне было очень стыдно и приятно. Никто до неё не ставил мне пятёрки. В началке я плохо училась, читала медленно, писала коряво, тогда говорили «как курица лапой». Мой почерк и правда трудно было разобрать, но единица по русскому меня сильно расстраивала, можно было бы обойтись и двойкой, а так получается унижение какое-то.

Я молча переживала свою учебную некомпетентность и никому не жаловалась. Маме было некогда, она много работала. С братом делиться не хотелось, он находился на другой стороне баррикад. Папе было бесполезно жаловаться, он мне вряд ли бы чем-то помог – сам на тройки с горем пополам школу окончил.

Галинушка что-то во мне разглядела, она всегда говорила:

– Оля, ты можешь, я в тебя верю!

Это кружило голову. И я потихоньку стала учить биологию по-честному. Не на перемене перед уроком, как я это делала со всеми другими предметами, а дома, вечером, после школы. Так, потихоньку, я выбилась в хорошисты, и у меня была только одна мечта – закончить девятый класс без троек. Это было практически невозможно, так как математика у меня была сильно запущена, и я плохо её понимала. К середине девятого я подошла к Ларисе Николаевне, шикарной брюнетке с греческим профилем, и честно сказала:

– Мне нужна четвёрка!

Это было немыслимо, так как невозможное невозможно. Однако к концу года я обнаружила в своём аттестате четвёрки по алгебре и по геометрии. Геометрию, правда, я сама вытянула, а вот алгебру – не знаю, по всей видимости, без Галинушки не обошлось.

Колобок

Колобок – это я, хотя внешне так и не скажешь.

Мы с классом ставили какую-то сценку, колобком быть никто не хотел. Я втайне мечтала о сцене, даже не подозревая этого.

В шестом классе я ещё стеснялась своей внешности: ноги-спички, тонкий, слегка съехавший хвост на голове, который я делала себе каждое утро. Уши немного оттопырены, одно чуть больше другого. Это в дедушку по папиной линии.

В общем, в шестом классе я не блистала. Плюс к этому была высокая конкуренция. Я каким-то чудом оказалась в элитной немецкой школе города Душанбе. В моём классе учились дети разных начальников, но не самые одарённые. Одарённые учились в классе «А», а мы в «Г».

В пятом классе нам выдали «сильного» классного руководителя с высокими амбициями. Нас нужно было «подтянуть», потому что мы разболтались, пока наша учительница в начальной школе была в декретном отпуске.

Галина Ивановна взялась за нас сразу, с пятого класса. Мы должны были участвовать во всех мероприятиях и везде побеждать. Побеждать не очень получалось, но мы старались. Собирались в подсобке её биологического кабинета и обсуждали стратегии побед. Я тоже собиралась, но больше отмалчивалась, разглядывая многочисленные цветы в горшках и препараты в стеклянных банках.

Кабинет Галины Ивановны был лучшим в школе, подсобка ещё лучше. Все биологические сокровища хранились там. Посередине стояли две парты и образовывали квадратный стол. Актив размещался вокруг стола, а все остальные, кто не помещался, располагались на стульях, взятых из кабинета, вторым кругом.

На очередном сборе все спорили о предстоящем выступлении. Галина Ивановна предъявила готовый сценарий. Мы сникли, идея с «колобком» почти никому не понравилась, некоторые смелые слабо высказывали свое мнение, я соблюдала нейтралитет.

Я очень любила Галину Ивановну, а она почему-то верила, что у меня всё получится, и ставила мне завышенные отметки по биологии. Видимо, старалась поднять мою самооценку. Я недоумевала и каждый раз стыдилась, получая пятёрку.

Обсуждения актива зашли в тупик, никто не хотел быть колобком. Тут я не удержалась и тихо сказала:

– Давайте я буду, раз никто не хочет...

Ребята радостно оживились и загудели.

Тут же пошли обсуждения, как сделать из меня колобка. Я поняла, что лечу в чёрную, как ночь, пропасть. Отступать было некуда.

Мне предложили надеть большую куртку какого-то дедушки, 54 размера, подвязать её снизу, а внутри набить тряпками. Ноги решили оставить тоненькими, так смешнее. Кажется, это был КВН, им тогда все увлекались: и школьники, и студенты.

Проходило всё в большом спортивном зале, где до окон два человеческих роста. Было свежо и прохладно, ещё не топили. Мы сидели на низеньких спортивных скамейках вдоль стен. Те, кто выступал, выходили в центр зала. Собралась вся средняя школа. Я ждала своей очереди. Чтобы не выдать идею, тряпками меня решили набить перед самым выходом на сцену. Я сидела под бело-голубым гобеленовым покрывалом и тряслась то ли от страха, то ли от холода.

Подходило наше время, Галина Ивановна дала отмашку, меня загородили, как в раздевалке, и стали набивать. Всё прошло хорошо, этот номер мы уже не раз проделывали на репетициях.

Меня подтолкнули на сцену, первую половину минуты я молчала, ожидая, когда стихнет хохот. Дальше, набрав воздуха в лёгкие, пошла по сценарию – отступать было некуда. Я стояла в центре зала и никого не видела, все смешались в расплывчатую смеющуюся массу.

Выступление прошло на «отлично», нам даже дали какую-то грамоту и медаль.

Этот день навсегда поменял мою реальность в школе, теперь меня знали все, даже малыши из началки. Каждый день до конца года я слышала, как в спину мне кричали: «Колобок-колобок!».

Это был успех, конечно, и популярность, которую я тогда ещё не осознавала.

Моя собака Орта

Щенок

У меня никогда не было собаки, настоящей собаки. Были разные приблудные дворняжки, которых приносил с улицы папа. С ними никто не гулял, они гуляли сами, поэтому куда-то терялись или попадали под машину. У меня не было с ними никаких личных отношений.

Я мечтала о большой служебной собаке с родословной. Мне требовалась охрана. Витька Шумяков и Димка Пронин совсем распоясались, не давали мне проходу ни в школе, ни после. С собакой они бы меня не тронули, даже близко не подошли бы.

Я мечтала о собаке, но мечта была недостижима. Чтобы утешиться, я собирала марки с породами собак и читала журнал «Юный натуралист».

Кто-то сказал, что породистую овчарку можно купить в клубе служебного собаководства. Не помню как, но мы договорились с братом и поехали вместе. Запредельность! Обычно нас мало что объединяло, а тут наши интересы сошлись. Мы оба хотели собаку – восточно-европейскую овчарку или шотландского колли.

В клубе нам сказали, сколько будут стоить щенки и когда ждать ближайший помёт.

Стоимость собаки была космическая, казалось, только в фантастическом фильме возможно, чтобы мама согласилась, да ещё за такую цену. Но семена целеполагания уже были засеяны в наших душах. Хоть мы и не верили в эту сказку, но чётко дали Вселенной знать, что нам требуется собака! Время пошло.

Папа нас поддерживал и вполне допускал, что два подростка 12 и 13 лет вполне справятся с заботой о собаке. Мы с братом тоже в себя верили. Мама не верила. Она точно знала, что ей придётся заботиться о собаке и участвовать в детских разборках на тему, кто пойдет с ней гулять.

Видимо, Вселенная заказ уже приняла и работала на нас. Как-то раз мы с папой куда-то ездили все вместе, возможно, у него был выходной, и мы поехали на Варзобское озеро. День был будний, мама была на работе. Мы полдня катались с папой на нашем белом «Запорожце», который родители привезли ещё из Карелии, при переезде.

На обратном пути разговоры опять зашли о собаке. Мы убедили папу заехать в клуб, чтобы узнать про щенков. В клубе выяснилось, что овчарок всех разобрали, но есть редкая порода – ротвейлер, и если мы прямо сейчас поедем к заводчикам, то, возможно, у нас будет выбор. Ротвейлер тоже стоил, как маленький самолёт, но мы погнали. Папа подключился к нашему азарту, и через полчаса мы уже сидели с плюшевым щенком на плюшевом диване.

Щенков оставалось три: два парня и одна прекрасная, бархатная девочка – чёрная, с кирпично-рыжими подпалинами. Выбора у нас не было, мы не могли уйти без щенка. Хозяйка при этом рассказывала прекрасную историю о том, что отца нашей девочки зовут Рамзес Второй и что ездили они к нему не абы куда, а в соседнюю республику, в город Ташкент.

Папа купил щенка. Оставалось уговорить маму, но мама была на работе. Меня послали как лазутчика. Я знала всех на маминой работе, часто там околачивалась. Мама была руководителем планово-экономического отдела и вышла на совещание.

Меня это не остановило, и я пошла наверх, в большой зал для собраний. Постучалась в кабинет и попросила маму спуститься. Начальник, конечно, отпустил маму: дети сотрудников не часто врываются среди бела дня.

По дороге к машине я вкратце объяснила маме, в чём суть операции, и пообещала, что если она не одобрит щенка, то мы вернём его обратно.

Мама щенка «одобрила» и сказала строго:

– Делайте, что хотите, только если вы с ней гулять не будете, я её сама отдам или продам кому-нибудь, поняли?!

Мы молча закивали головами, как китайские болванчики, а мама развернулась и пошла работать.

Орта в ветеринарке

Так в нашей семье появилась Орта. Чуть позже выяснилось, что служебным собакам требуется особое питание, физические нагрузки и дрессировка. Хорошо, что большинство вопросов взял на себя брат.

Собаки в семье живут, как в стае, и признают кого-то одного своим вожаком. Я плохо помню, кого Орта признавала. Похоже, что брата, с ним у неё проблем не было. Мама взяла на себя вопрос питания собаки, но это никак не повлияло на её статус. Орта, несмотря на кормящую руку, могла огрызнуться или даже слегка тяпнуть маму, её статус в собачьей иерархии был где-то в конце списка.

С братом Колей такого не происходило. Он хорошо изучил вопрос и вел себя правильно, давал понять собаке, кто в доме хозяин. В крайнем случае, в ход шёл «строгий» ошейник, похожий на гусеницу от игрушечного танка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.